

Перед лицом превосходящих сил противника. Тактика генетиков в августе 1948 года

Задание к семинару

Текст 3. Завадовский Борис Михайлович

Составьте подкреплённый примерами из текста ответ на вопросы:

1. Разделяет ли выступающий теоретические взгляды Лысенко?
2. Чего он хочет достичь своим выступлением?
3. В каких случаях он говорит искренне, в каких – неискренне?

Из стенографического отчёта сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (31 июля – 7 августа 1948 г.)

<http://lib.ru/DIALEKTIKA/washniil.txt>

* ЗАСЕДАНИЕ ШЕСТОЕ (Утреннее заседание 4 августа 1948 г.) *

Академик П. П. Лобанов. Слово предоставляется академику Б. М. Завадовскому.

Академик Б. М. Завадовский. Товарищи! Прежде всего должен объяснить всем собравшимся, почему я до сих пор считал нецелесообразным выступать на настоящей сессии. Я считаю, что были не совсем нормальные условия организации сессии, ибо не было предоставлено достаточных возможностей для всех тех, кто зачислен по праву и, в особенности, не по праву в разряд вейсманистов-морганистов, подготовиться и иметь возможность свободно и полноценно высказаться.

Достаточно сказать, что я узнал официально о том, что эта сессия состоится, только 30 июля, приехав сюда для того, чтобы из одного санатория отправиться для лечения в другой санаторий, хотя Академия и руководство ее знали, что я лечусь в Кисловодске.

Не скрою, неофициально я знал от тов. В., лечившегося также в Кисловодске, что такая сессия готовится, но странно, что мне, обвиненному в тяжком грехе, не дали возможности познакомиться с тезисами доклада и заранее не уведомили меня о сессии.

Мои соображения заключались в том, что было бы все-таки более здорово, более рационально на этой сессии, которая, как я это хорошо понимаю, определит путь развития биологической науки и установит ее состояние, предоставить лучшие возможности для тех, кто участвует в строительстве советской науки, и не создавать той атмосферы преждевременного опорочивания, которая, в частности, проявилась на страницах "Литературной газеты".

Статья в "Правде", которую я сегодня прочел, обязывает меня высказаться на этой сессии. Откровенно скажу, эта статья освобождает меня от сомнений и колебаний, которые я испытывал.

Переходя к существу вопроса, должен сказать прежде всего, в чем я согласен с Т. Д. Лысенко и основной тенденцией, выраженной здесь в выступлениях других товарищей, а также должен остановиться на том, с чем я не согласен.

Я согласен со всей той линией атаки, которая ведется на фронте формальной генетики. В этом мне не приходится изменять себе, ибо еще в 1926 г. в моей книге "Дарвинизм и марксизм" я выступал против фронта формальной генетики. То же я делал и во всех своих последующих выступлениях, в том числе и в 1936 г., когда я был единственным академиком Сельскохозяйственной академии, выступавшим, наряду с Т. Д. Лысенко, против фронта формальной генетики.

Поэтому мне не приходится ничего изменять в своем отрицательном отношении к вейсманизму, мендельянству и формальной генетике.

Я тем более вправе протестовать, что, зная мои работы и выступления, меня, бездоказательно и фактически дезориентируя советскую общественность, зачислили в число сторонников формальной генетики только по одному тому признаку, что я по другим вопросам имею разногласия с Т. Д. Лысенко. Я думаю, что я вправе не только протестовать против подобных огульных обвинений, но и вправе раскрыть свои глубокие разногласия с Т. Д. Лысенко.

То, что я дальше буду говорить о своих несогласиях с Т. Д. Лысенко, я буду делать в порядке исполнения своего долга члена партии, чтобы ориентировать более правильно партийные и советские органы и всю советскую общественность об истинном состоянии и нуждах советской науки.

Я являюсь горячим сторонником мичуринского направления в науке, и об этом я неоднократно высказывался и выступал, борясь с ошибками формальной генетики, которые в этой части достаточно полно были мною проанализированы и разоблачены в ряде моих работ. Всякий, кто

честно хочет руководствоваться фактами и истиной, найдет эти мои работы и выступления. Поэтому я не вижу здесь необходимости повторять уже сказанное в этом отношении Т. Д. Лысенко и мною.

Наконец, как дарвинист, я согласен и с Т. Д. Лысенко и другими выступавшими здесь товарищами, с их общей установкой на огромное, решающее значение условий внешней среды и ее воздействия в процессах видо- и сортообразования. И тем не менее остается еще очень большое количество первостепенных и важнейших проблем, по которым я с Т. Д. Лысенко не согласен.

Поэтому я считаю нужным говорить здесь о том, в чем я не согласен с Т. Д. Лысенко.

Прежде всего, как я уже отметил, я утверждаю, что его доклад и выступления по нему односторонне ориентируют нашу общественность о состоянии и расстановке сил в советской биологической науке. Мы, ученые – разведчики не только в вопросах конкретного применения нашего опыта и знаний с целью разведки геологических недр и других богатств социалистической родины. Мы разведчики и в смысле правильной ориентации в расстановке сил в нашей науке. И вот я думаю, что тов. Лысенко делает большую ошибку, неправильно ориентируя в том смысле, что якобы в биологической науке существует только два фронта или два направления, имеющие своей целью разрешение проблем дарвинизма. Все биологи знают, что в теории дарвинизма, в эволюционной теории существует три направления. Первое направление представлено Дарвином и Тимирязевым; это – линия последовательного дарвинизма. Прошу вдуматься и проанализировать сущность вопроса, а не заниматься, так сказать, разыгрыванием, может быть, неверных словесных терминологических ошибок.

После того, как тов. Митин оспорил в "Литературной газете" термин "ортодоксальный дарвинизм", я не имел возможности ответить, что я не настаиваю на этом термине и считаю более правильным говорить о "последовательном дарвинизме" или просто о дарвинизме Дарвина и Тимирязева.

И я имею основания утверждать, что те, кто продолжает разыгрывать меня в этих словесных, малоценных формах аргументации, прекрасно знают, что не в этом суть. По существу же вопроса и тов. Лысенко и его сторонники до сих пор ничего мне не ответили. Отвечает ли действительности мое утверждение не о двух, а о трех направлениях в теории эволюции? Безусловно, отвечает. Эту оценку истинного положения вопроса всегда защищал великий ученый К. А. Тимирязев, к имени которого так часто апеллируют выступающие.

Я утверждаю, что, если бы сторонники и поклонники таланта Т. Д. Лысенко не только почитали, но и читали Тимирязева (а многие об этом забыли), то тогда они не стали бы апеллировать к имени Тимирязева. Все его труды пронизаны идеей борьбы на два фронта – и с ошибками неоламаркизма, упрощенческим направлением в решении проблем эволюции, и с ошибками вейсманистов-морганистов. Но Тимирязев не мог говорить о новых вариантах вейсманизма, в виде формальной генетики и автогенетики, так как они возникли уже после смерти Тимирязева.

Прочитую из работы Тимирязева "Значение переворота, произведенного Дарвином" лишь краткую фразу:

"Последующие писатели (после Дарвина. – Б. З.), полагая обнаружить самостоятельность своей мысли, только впадали в узкую односторонность (неоламаркисты и вейсманисты), которой Дарвин был совершенно чужд (К. А. Тимирязев. Соч., т. VII, стр. 250-251.)

Вот истинное положение вещей, которое достаточно характеризует то, что мы имеем в истории развития эволюционного движения. Товарищ Сталин учил нас опираться на опыт истории, а не заниматься в этом отношении произвольным "творчеством" истории дарвинизма, которая не отвечает фактам.

В советский период учение Дарвина и Тимирязева развивали, опираясь на опыт научно-философских дискуссий, которые внесли много оздоровляющего, уточняющего в наши отношения к теории дарвинизма. Эта борьба на два фронта за генеральную линию учения Дарвина и Тимирязева была поднята на еще более высокую ступень в свете испытанного опыта нашей партии в такой же идеологической борьбе на два фронта на всех участках нашей общественно-политической жизни.

Я позволю себе передать в президиум схему, которую несколько лет тому назад я составил по этому вопросу и которая характеризует основные положения дарвинизма, с одной стороны, и неоламаркизма и неodarвинизма, с другой стороны, как двух извращений истинной дарвинистической теории. На этой схеме можно видеть каждое из трех течений, представляющих законченные системы воззрений, из которых верно и отвечает духу марксизма-ленинизма только

одно учение Дарвина и Тимирязева, очищенное в свете марксистской диалектики от ряда второстепенных ошибок.

Я думаю, товарищи, что мы делаем большую ошибку и дезориентируем наши руководящие органы, когда сейчас так упорно хотим доказать, что существуют только две линии, два направления в советской биологии – учение Лысенко, именуемое мичуринским направлением, и формально-генетическое вейсманистское. А все инакомыслящие и имеющие смелость не соглашаться с Лысенко огульно заносятся сторонниками Лысенко в одиозную категорию "формальной генетики".

Это обязывает меня говорить о том, что я должен выступить в защиту той линии, которая пока не отклонена нашей общественностью.

Голос с места. А когда наша общественность сказала вам и вам это поручила?

Б. М. Завадовский. Она не мне поручила, а всей нашей советской науке.

Второй вопрос, в отношении которого я не согласен с линией доклада, это оценка отношения Тимирязева и Мичурина к менделизму. Здесь неправильно информируется наша советская общественность, не читающая трудов Тимирязева в их первоисточниках. Все многократные выступления великого русского ученого-дарвиниста подчеркивали, что он различает "менделизм" и "мендельянство". Под менделизмом он понимал сумму фактического научного багажа и методов, которые посвящены изучению хромосомно-ядерных механизмов наследственности. Под мендельянством Тимирязев понимал те идеалистические и реакционные трактовки и выводы, которые неправомерно сделаны из этих ценных научных фактов если не всеми буржуазными и нашими отечественными менделистами, то подавляющей массой их, в прошлом направлявшими на этом основании свою атаку на территорию дарвинизма. Но даже и в этих условиях Тимирязев умел различать здоровое ядро фактов и шелуху реакционных антидарвинистических обобщений.

Должен отметить, к моему большому сожалению, что хотя эта истинная позиция Тимирязева известна многим присутствующим, они почему-то не считают нужным правильно ориентировать общественность.

Нет нужды искать источников, разбросанных в трудах Тимирязева и Мичурина. Прочитую лишь то, что писал в 1939 г. в №10 журнала "Под знаменем марксизма" наш философ Митин, подводя итоги селекционно-генетической дискуссии, организованной редакцией этого журнала:

"Мендель, несомненно, вскрыл некоторые закономерности в наследовании ряда определенных признаков: явление расщепления в гибридном потомстве, известную математическую правильность в этом расщеплении, относительную независимость наследования некоторых признаков. Открытые Менделем явления в области наследственности были затем связаны с процессами, происходящими в клетках организма, в частности в половых клетках.

В оценке всех этих менделевских правильностей, которые бесспорны как частные правила, мы хотим стоять и стоим на точке зрения Тимирязева и Мичурина. Тимирязев и Мичурин являются для нас авторитетами в этой области. Как действительно крупные представители науки, они сумели дать правильные ответы на вопрос о научной значимости открытий Менделя в области изучения наследственности.

Здесь приводились высказывания Тимирязева по вопросу о законах Менделя. Высказывания Тимирязева разносторонни. Как крупный ученый, Тимирязев подходит к этим законам совсем не однобоко. Он выступает против универсализации этих законов, против превращения их во всеобщие законы природы, против подмены дарвинизма менделизмом. Тимирязев выступал не против правил Менделя, а против "мендельянцев", которые, без всяких на то оснований, превратили открытия Менделя в целую революцию в науке, превратили открытые им законы во всеобщие законы природы и (исходя из классовых и всяких других посторонних соображений) имя Менделя стали ставить или рядом с Дарвином или стали менделизм противопоставлять дарвинизму.

Выступая против подобных антидарвинистов, "мендельянцев", Тимирязев в то же время отмечал положительное значение открытий Менделя в разрешении частных вопросов изучения наследственности. "В итоге менделизм, поскольку он оправдывается, служит только поддержкой дарвинизму, устраняя одно из самых важных возражений, когда-либо выдвинутых против него" (К. А. Тимирязев. "Чарлз Дарвин и его учение", стр. 263, 1937).

Таков вывод К. А. Тимирязева.

К. А. Тимирязев говорит об "...успехах в изучении некоторых частных случаев наследственности (Мендель и его многочисленные поклонники)..." (К. А. Тимирязев. "Чарлз Дарвин и его учение", 1937 г., стр. 270). Вот правильная, четкая, научно объективная оценка

Менделя и менделизма, чуждая как односторонним увлечениям менделизмом, так и огульному отрицанию его значения в науке о наследственности.

Выступавшие на этом совещании приводили много цитат из Тимирязева, причем каждый из выступавших брал какую-либо одну сторону из многосторонней постановки вопроса, которую дает К. А. Тимирязев. Одни цитировали места, в которых он отмечает значение открытий Менделя, тов. Презент подбирал высказывания, в которых К. А. Тимирязев критикует увлеченность менделизмом. Но ни те, ни другие не сумели понять подлинную научно объективную и многостороннюю оценку Менделя, которую дает К. А. Тимирязев. Я не вижу оснований, почему мы должны брать из Тимирязева только одну часть или одну сторону его постановки вопроса. Не вижу оснований, чтобы нам не брать Тимирязева в данном вопросе целиком.

Возьмем подход Мичурина к этому вопросу. Для всех, кто хочет быть последователем Мичурина и действительным продолжателем его теории, его учения, проводником его идей и его практики, для тех написанное Мичуриным должно являться материалом, из которого надо исходить...

Если товарищи, ссылавшиеся здесь на Мичурина, считают, что некоторые его положения устарели, то пусть они об этом прямо скажут. Но вот, я убежден, что как раз установки Мичурина по вопросу о менделевских законах не устарели и сейчас являются правильными.

Здесь ссылались на письма Мичурина, относящиеся к 1914 или 1915 г., в которых он иронически отзывается о законах Менделя, как о "гороховых законах". Но мы берем капитальный труд Мичурина "Итоги шестидесятилетних работ". Вот что пишет там Мичурин:

"Таким образом, в гибридах между собой чистых видов ржи, пшеницы, овса, гороха, проса и т. п. "явление расщепления на производителей" считаю вполне возможным. Здесь, конечно, применимы законы Менделя во многих их деталях".

"В законе Менделя я несколько не отвергаю его достоинств, напротив, я лишь настаиваю на необходимости внесения в него поправок и дополнений, ввиду очевидной каждому неприменимости его вычислений к культурным сортам плодовых растений, в которых при скрещивании отдельных сортов между собой строение гибридов получается не от наследственной передачи признаков прямых ближайших производителей, а в большинстве от неизвестных оригинатору родичей этих производителей и плюс от влияния внешних факторов, эти последние нередко вносят полнейшую пертурбацию в организмы гибридов не только в начальной стадии зарождения семян от скрещивания, но и явлениями спортивных уклонений в течение нескольких лет развития и роста гибридов до поры их полной возмужалости. Нужно еще добавить, что большинство из этих влияний как внутренних, так и внешних факторов не находится во власти человека".

"При исследовании применения закона Менделя в деле гибридизации культурных сортов плодовых растений рекомендую для начала ограничиться наблюдением наследственной передачи одного из двух признаков, как это имело место у самого Менделя в его работах с горохом. Я нахожу особенно полезным указать несколько самых лучших и во всех отношениях показательных опытов гибридизации.

В этих примерах подбор пары растений-производителей, т. е. отца и матери, дает широкую возможность отчетливо и легко производить нужные наблюдения с самого начала, пользуясь окраской и формой гибридных семян, интенсивностью окраски семенодолей, затем окраской листьев, побегов, цветов и, наконец, строением и окраской плодов. Иногда при этом встречается и аналогичная с упомянутыми выше коррелятивная (находящаяся во взаимной связи) переформировка структуры вследствие влияния резко проявившихся каких-либо признаков, бывших до времени в рецессивном состоянии.

Здесь большая возможность приложения всей схемы менделевского подсчета на основании всего комплекса признаков каждого гибрида" (И. В. Мичурин. "Итоги шестидесятилетних работ", 1936, стр. 24, 33, 37).

Есть ли какое-нибудь противоречие в высказываниях Мичурина, когда он, с одной стороны, говорит о законах Менделя, как о "гороховых законах", а с другой стороны, признает в отдельных случаях возможность их использования? Я думаю, что нет противоречия в высказываниях Мичурина. Когда он говорит "о гороховых законах", он имеет в виду случаи, когда законы Менделя превращаются во всеобщие законы природы" (М. Б. Митин. "За передовую советскую генетическую науку". Журнал "Под знаменем марксизма", 1939 г., стр. 160, 161, 162).

Товарищи, это опубликовано в журнале "Под знаменем марксизма", No10 за 1939 г. Под этими мыслями я целиком подписывался и подписываюсь. Но я спрашиваю тов. Митина, – когда он неправильно информировал общественность, говоря о двух направлениях биологической науки? Тогда ли, когда он писал эту статью, или сейчас, когда он, фальсифицируя положение вещей, ориентирует на то, что существовала и существует только вторая точка зрения на теорию эволюции?

Неправильно, товарищи, так огульно критиковать наших менделистов, как это мы здесь слышали не только от докладчика, но и из других выступлений. Тот уровень аргументов, который здесь, в основном, применяется, это уровень дискуссии периода 1931 г., и я бы сказал, что мне не приходится возражать против этих аргументов, которые и я сам приводил и от которых я сейчас не отказываюсь.

Но, товарищи, все развивается и растет, и исправляются в значительной мере ошибки представителей менделевского учения в нашей стране. Они вносят ценные достижения в сокровищницу нашей советской науки и практики.

Следовательно, речь должна идти не об изгнании менделистической генетики из нашей советской науки, а о дальнейшем перевооружении и перевоспитании тех наших кадров, которые остаются в какой-то мере во власти старых мендельянских и формально-генетических ошибок.

Я считаю, что этот фронт борьбы не отпал, но все же я вправе был ожидать, что товарищи, выступающие здесь, более дифференцированно поддержат тех менделистов, которые уже освободились от старых ошибок, и более дифференцированно и по-деловому укажут, в порядке помощи, от чего им нужно избавиться (а им нужно еще от многого избавиться), а не будут их шельмовать, не будут относить чуть ли не в лагерь врагов всех ученых, которые работают над изучением менделистической генетики и ее использованием в интересах нашего народного хозяйства.

Я полностью поддерживаю необходимость полного разгрома идеалистически-механистических концепций, но багаж научных экспериментов, который накоплен менделистами, мы обязаны использовать. Мы обязаны использовать метод полиплоидии и метод межсортовых скрещиваний кукурузы, который дал огромные богатства Соединенным Штатам Америки. Эти достижения мы не должны выбрасывать за борт, не должны выплескивать вместе с водой и ребенка.

Я здесь слышал, что колхицин есть удар палкой. Будем более широки в своих воззрениях. Если мы ведем сальный откорм или стараемся вывести породу свиней, легко обливающихся жиром, то, с точки зрения интересов животного в том случае, если оно попадет в естественную среду, это разве не есть убийство или своеобразная форма удара палкой? Но в интересах человека иногда ударить палкой можно и нужно, и не нужно чураться этого приема.

Теперь я слышу такого рода соображения, что задачи борьбы на два фронта в области биологической науки потеряли свое значение. В статье В. Н. Столетова в "Литературной газете", очевидно, с согласия редакции, так как это не было оговорено, было осуждено мое предложение учитывать испытанный принцип борьбы на два фронта, как, якобы, предложение поддержать "третью позицию", разоблачаемую нами на международной арене, в частности, в тактике Блюма и других социал-предателей, как платформу "политического болота".

Обвинение это серьезное, но, к сожалению, здесь товарищи играют словами, не понимая, как по-разному должны мы воспитывать кадры в нашей идеологической международной борьбе и идеологической борьбе внутри страны.

Мне кажется, что те товарищи, которые проводят такое отождествление, не понимают, что борьба на международной арене и борьба внутри нашей страны имеют совершенно иные качественные формы. Там, где речь идет о борьбе на международной арене, где громадными валами встали друг против друга, с одной стороны, фронт империалистический, антидемократический, а с другой стороны, фронт демократический, антиимпериалистический, – там не может быть никакой средней "третьей" здоровой линии. Все оказавшиеся между этими двумя валами классовой борьбы действительно оказываются в положении соглашателей и социал-предателей. Линия соглашения тут должна быть исключена, и мы должны научиться поддерживать борьбу против этой соглашательской позиции.

Но в условиях победившего социализма есть только одна генеральная линия нашей партии, линия марксизма-ленинизма, и остается в полной силе задача борьбы на два фронта с антипартийными – правым и левым уклонами, с научно-философскими ошибками, – с одной стороны, с механической вульгаризацией марксизма и, с другой стороны, с меньшевистствующим идеализмом, формализмом и метафизикой.

На нас лежит ответственная задача – помочь быстро осуществить переход теоретиков и практиков биологической и сельскохозяйственной науки от первичного естественно-научного материализма до уровня сознательной материалистической диалектики. Ошибки некоторых формальных генетиков я считаю более опасными, ибо они являются наиболее часто каналом для проникновения в нашу биологическую науку буржуазных идеалистических и метафизических влияний.

Еще нигде наша партия не говорила, что задача борьбы на два фронта снята на каком-либо участке политической и идеологической жизни.

Я спрашиваю: может ли нас удовлетворить тот анализ состояния биологической науки, который мы слышали в докладе Т. Д. Лысенко?

Нет. Мы слышали о развернутом фронте борьбы и разгроме формально-генетических ошибок. Но где же фронт борьбы с механицизмом?

Голос с места. Там же.

Б. М. Завадовский. Вот этого я не понимаю и хотел бы, чтобы мне это разъяснили. Фронт борьбы с механицизмом в докладе Лысенко отсутствовал, а он существует, и не замечать этого фронта – значит разоружать нашу партию и советскую общественность в борьбе на этом участке.

Голос с места. С вашей точки зрения, где он имеется?

Б. М. Завадовский. Об этом я скажу несколько позже.

В чем я не согласен в вопросе о тактических проблемах борьбы с тем же формально-генетическим фронтом? Я не согласен с огульным шельмованием и причислением к этому фронту тех, которые имеют большие заслуги в борьбе за разоружение этого фронта. Неправильно огульно здесь выступать с ошельмованием таких крупнейших дарвинистов, как академик И. И. Шмальгаузен и его последователи.

Я вижу глубокое противоречие между той линией, которая проводится нашей партией за подъем авторитета нашей советской науки, и тем, как в "Литературной газете" и в ряде других выступлений огульно опорочивают всех тех советских ученых, которые не включились в хор поклонников Т. Д. Лысенко, или опорочивают только потому, что, например, академик И. И. Шмальгаузен осмелился выступить с несколькими словами разногласий по вопросам внутривидовой конкуренции или допустил отдельные частные ошибки. Этот подход с точки зрения мобилизации всей советской науки не отвечает истинным интересам дела. Что представляет в действительности академик И. И. Шмальгаузен? Это один из учеников академика Северцова, школа эволюционной морфологии которого во многом равноценна школе И. П. Павлова в области отечественной физиологии. Северцов и Шмальгаузен – продолжатели классического советского дарвинизма, созданного трудами братьев Ковалевских, И. И. Мечникова, которых мы возносим в противовес попыткам буржуазной реакции. С моей точки зрения, академик И. И. Шмальгаузен является их блестящим последователем. Его, конечно, нужно подвергать критике, но в том числе нужно критиковать и академика Т. Д. Лысенко.

Перейду к важнейшим задачам, которые должна была бы осуществить настоящая сессия Академии в области раскрытия истинных источников дарвинизма, на которые должна опираться наша советская биологическая наука. На что должны опираться советские дарвинисты в своей работе? На все многообразие методов исследования явлений природы.

Основными источниками возникновения дарвинизма являлись методы селекции, с одной стороны, и методы эволюционной морфологии и экологии – с другой. Должны ли мы закрыть эти направления? Я думаю, что нет. Академик И. И. Шмальгаузен признается не только у нас, но и в передовых кругах международной науки блестящим представителем работ по эволюционной морфологии. И если академик И. И. Шмальгаузен ошибается в некоторых своих высказываниях, – а я на конференции в ноябре 1947 г. отметил свое несогласие с некоторыми занимаемыми им позициями, – то нельзя же в одну кучу валить эту многогранность направлений в биологии и все складывать в один мешок под именем формальной генетики. Это фальсификация.

В советских условиях выросли новые направления, блестяще развивающие советский дарвинизм на новых основах. Это новая эволюционная физиология, основы которой были заложены И. И. Мечниковым, далее успешно развивались академиком И. П. Павловым, теперь развиваются академиком Л. А. Орбели и рядом советских физиологов. Эволюционная физиология являет собою действенный подход к природе организмов, к подчинению ее нашему воздействию. Первое место в разработке этого направления принадлежит И. В. Мичурину. Это признание я неоднократно высказывал и не под давлением сегодняшней сессии, на которой несколько односторонне протекает дискуссия. Нет другого места, где бы так полно были показаны

достижения Мичурина и Лысенко, как в Биологическом музее имени Тимирязева; нигде вы не найдете такого полного показа достижений Мичурина.

А. А. Авакян. Попробовали бы не показать!

Б. М. Завадовский. Но одновременно я утверждаю, что мичуринское направление не может собой покрыть, исчерпать, устранить все те направления, которые мы имеем наряду с мичуринским направлением.

Вряд ли кто может серьезно предложить мичуринское направление в отношении животных организмов, особенно в той вариации, которую придает Т. Д. Лысенко вегетативной гибридизации видов. Вегетативные гибриды на животных, кроме создания химер – разнокрылых бабочек, – еще не предлагались. Дайте конкретно указания и предложения, как применить методы вегетативной гибридизации (первый символ веры Т. Д. Лысенко) по отношению к животному миру.

И. И. Презент. Почему должны за вас думать?

Б. М. Завадовский. Должно быть, физиологи и животноводы недостаточно талантливы. Помогите нам, таланты и поклонники талантов, окажите действенную помощь.

Но есть и другие методы и приемы, которые нельзя приносить в жертву и отрицать в науке и практике только потому, что они не находятся в поле зрения Т. Д. Лысенко.

Какие есть еще направления? Я утверждаю по своему личному опыту советского биолога-большевика, что методы полиплоидии, которые применили Сахаров при создании новых сортов гречихи или М. С. Навашин при создании им повышенно урожайны сортов кок-сагыза, могут найти заслуженное место в нашем социалистическом хозяйстве. И совершенно не нужно, во славу работы, которую развивает Т. Д. Лысенко, гробить и уничтожать эти направления. Надо критиковать Сахарова, Навашина и Жебрака там, где они допускают теоретические ошибки. Но, когда я услышал здесь призыв разгромить менделистов-морганистов, не давать им возможности работать, мне стало совершенно ясно, какой ущерб принесут такие действия народному хозяйству.

В дарвинизме имеется и такое направление, которое опирается на экспериментально-физиологические методы познания факторов регуляции жизненных отправлений. Не буду приводить всех примеров, а укажу только на гормонально-химический метод управления процессами размножения, которые уже получили свое признание в деле стимуляции размножения и борьбы с яловостью у сельскохозяйственных животных. Укажу также на фитогормоны в растениеводстве. Все эти методы пробивают с трудом дорогу в народное хозяйство только потому, что Т. Д. Лысенко еще не включил их в сферу своего влияния и до сих пор оказывал им серьезное сопротивление.

Разве этот подход к анализу и направлению работ в области советской биологической науки правилен и служит на пользу государству? Это превращение государственных задач в задачи монополии. Никто не мог доказать на практике, что методы полиплоидии не оправдали себя. Сорты пшеницы и ржи, которыми засеваются миллионы гектаров, созданы генетиками – А. П. Шехурдиным, П. И. Лисицыным и П. Н. Константиновым.

И. И. Презент. На основе?

Б. М. Завадовский. На основе многогранного и многостороннего использования всех направлений и методов, которые создает дарвиновская наука.

И. И. Презент. Неясно, тов. Завадовский.

Б. М. Завадовский. И в том числе не в противоречии с законами Менделя, а часто опираясь на них.

Полагаю, что такая узкая, ограниченная, односторонняя линия опорочивания не только методов, но и людей, которые работают не в плане поощряемом, – это вещь недопустимая.

С большим прискорбием я услышал здесь выступление тов. Муромцева, который, я считаю, так выступил только потому что, как ему показалось, это требовалось обстановкой. Я так думаю, потому, что нет оснований тов. Муромцеву с позиций его опыта, хорошего положительного опыта, выступать здесь с клеймением форм работы, которые он, должно быть, недостаточно изучил и знает.

Разрешите теперь перейти к вопросу, который меня особенно волнует. То, что у нас происходит, к моему глубокому огорчению и огорчению многих и многих других лиц, вступает в ряде случаев в прямое противоречие с указаниями Дарвина и Тимирязева.

Товарищи, надо в конце концов уяснить нашу обязанность оперировать правильными понятиями и не маскировать правильное мировоззрение того или другого из нас под неподходящие формы, а это, к сожалению, происходит довольно часто.

Я дал свою схему, которую прошу деловыми доводами опровергнуть. Она отчетливо демонстрирует, что существует три направления: дарвинизм, неodarвинизм и неоламаркизм.

Учение Дарвина включает в себя стройную систему, с настолько органически пригнанными друг к другу отдельными частями (кроме его побочных и в том числе социально-дарвинистских ошибок), что ее нельзя разорвать на части.

И вот что я читаю у тов. Лысенко по вопросу об отношении его к дарвинизму в его труде "Естественный отбор и внутривидовая конкуренция".

"Известно, что Дарвин и дарвинисты указывают на общенаблюдаемое большое несоответствие между количеством появляющихся на свет зачатков органических форм и количеством организмов, достигающих зрелого и старческого возраста. Например, у растений, насекомых или рыб число организмов зрелого возраста в сотни и тысячи раз меньше, чем рожденных зачатков. Но объяснение причин этого явления, данное Дарвином и дальше повторяемое многими (если не всеми) дарвинистами и исходящее из внутривидовой конкуренции, я считаю неверным" (журнал "Совхозное производство", No1, 1946 г., стр.12).

Тут все ясно сказано. Я десять лет пытался сигнализировать о зародышах нарастающих ошибок, когда тов. Лысенко начал отступать от дарвинизма, но он еще называл себя дарвинистом. А здесь, в этой цитате, тов. Лысенко в своем субъективном сознании признает, что с Дарвином и большинством, если не всеми дарвинистами, он не согласен.

Кто дает право под формулу дарвинизма включать то содержание, которое противоречит этому учению? Надо называть, тов. Лысенко, вещи их именами. Но тогда перед тов. Лысенко встает обязанность не диктаторски и не изречениями оракула заставить нас изменить свое отношение к дарвинизму, а дать всестороннее обоснование новых лысенковских воззрений, показать, во имя чего и почему мы неоламаркизм должны перестать разоблачать как антидарвиновское, антимарксистское учение.

Это очень серьезная задача, и ее тов. Лысенко пока еще явно не успел разрешить. Но тогда вспомним слова К. А. Тимирязева о том, что Дарвин 20 лет думал, прежде чем опубликовать свою систему учения. Почему же тов. Лысенко поторопился на основании единичных фактов создать тот разброд умов, который возник сейчас в высшей школе, а равно и в сельскохозяйственной практике, когда люди часто говорят: если назвать дарвинизмом то, чему учит тов. Лысенко, то мы вступаем в противоречие с собственной совестью ученых и педагогов. Тогда давайте говорить прямо, – почему мы отказываемся от дарвинизма. Можем ли принять эти новые установки тов. Лысенко? Нет, потому что эта система уже перерастает в систему очень серьезных заблуждений.

В той же работе тов. Лысенко я вижу несколько мест, где он прямо и ясно говорит о том, что он не принимает категорию случайности, как форму закономерности, признаваемую марксистской диалектикой:

"В редчайших случаях, если и можно наблюдать перенаселенность, то это происходит не на основе биологической необходимости (закономерности), а чисто случайно и не входит в цепь закономерностей эволюции" ("Совхозное производство", No1, 1946 г.).

Как это понять? Ведь мы хотим, чтобы нас честно убедили, что Т. Д. Лысенко не обязывает нас перестроить всю нашу линию понимания марксистской диалектики. Здесь отрицание случайности. Мы обучаемся азбуке марксизма по трудам классиков марксизма-ленинизма, которые нас справедливо учат рассматривать случайность как форму проявления закономерности.

Все эти вещи создают непримиримые противоречия, разброд умов в советской общественности; они не разрешаются теми формами выступлений, которые мы здесь слышали. Они требуют более глубокого и серьезного рассмотрения, братской помощи заблуждающимся.

Что меня еще более тревожит? Что в этих новых работах тов. Лысенко вступает в противоречие не только с Дарвином, Тимирязевым и Мичуриным, но и основами марксизма-ленинизма в смысле умения читать конкретные, ясные и четкие высказывания классиков марксизма. В своем докладе тов. Лысенко апеллировал к месту в письме Энгельса к Лаврову. В этом письме тов. Лысенко вычитал, якобы, что Энгельс осуждает факт и теорию "перенаселенности" и внутривидовой конкуренции в живой природе. Я уже в "Литературной газете" пытался поправить эту грубейшую ошибку – это, по существу, ревизию основ марксизма – как рецидив дюрингианства.

Я утверждаю, что во всей аргументации, которую мы до сих пор слышали и видели в ряде публикаций творческих дарвинистов, тов. Лысенко и его сторонники не поняли Энгельса. В этой цитате, которую не буду здесь повторять, Энгельс имел в виду ошибки буржуазных естествоиспытателей и социологов в использовании законов борьбы за существование в природе, в переносе их только на человеческое общество в духе мальтузианства. Тов. Лысенко и его

сторонники, – повторяю, – не дали ни одного нового аргумента в пользу своих позиций, кроме тех, которые приводил в свое время Дюринг и которые опровергнуты в "Анти-Дюринге" Энгельсом.

Если место в письме Энгельса к Лаврову внушает сомнение в правильности интерпретации, то давайте изучать "Анти-Дюринг" Энгельса не по форме, а по существу.

Здесь у меня есть "Анти-Дюринг"; можно это повторить; в конце концов: повторенье – мать ученья. Что же написано в "Литературной газете"?

"Энгельс считал учение о внутривидовой конкуренции в природе настолько вредным, что полагал необходимым воевать с этим учением".

"Но совершенно очевидно, что учение о внутривидовой конкуренции, якобы неизбежно вытекающей из-за недостатка пищи для всех народившихся особей, есть учение Мальтуса, опровергнутое и отброшенное классиками марксизма-ленинизма" (Авакян и др. "Литературная газета", No59, 1947 г.).

Теперь читаю, что писал Энгельс в "Анти-Дюринге", в книге, которую он считал необходимым довести до сведения широкого читателя, до сведения мировой общественности, а не только в частном письме к Лаврову, предполагая, что Лавров достаточно грамотен, чтобы понять его мысли:

"Прежде всего Дарвину ставится в упрек, что он перенес теорию народонаселения Мальтуса из политической экономии в естествознание, что он находится во власти понятий животновода, что в своей теории борьбы за существование он предается ненаучной полупоэзии и что весь дарвинизм, за вычетом того, что заимствовано им у Ламарка, представляет изрядную долю зверства, направленного против человечности" (Ф. Энгельс, "Анти-Дюринг", 1948 г., стр. 64).

Изложивши далее с исключительной точностью историческое содержание теории Дарвина, как теории отбора, основанного на индивидуальных особенностях отдельных особей, определяющих преимущества перед другими особями того же вида в борьбе за существование, Энгельс дает в заключение прямой ответ господину Дюрингу:

"...Дарвину вовсе не приходило в голову говорить, что *происхождение* идеи борьбы за существование следует искать у Мальтуса. Он говорит только, что его теория борьбы за существование есть теория Мальтуса, примененная ко всему миру растений и животных".

И далее:

И подобно тому как закон заработной платы сохранил свое значение и после того, как давно уже заглохли мальтузианские доводы, которыми его обосновывал Рикардо, точно так же и борьба за существование может происходить в природе помимо какого бы то ни было мальтузианского ее истолкования (там же, стр. 65-66).

Вот чему учат классики марксизма: брать у врага достижения науки, но подчинять их интересам рабочего класса. Почему же нас сейчас хотят обязать отречься от менделизма с его конкретным содержанием фактов?

У Маркса мы видим прямое подтверждение и высокоположительную оценку открытой Дарвином геометрической прогрессии, или, что то же, факта перенаселения в царстве животных и растений. Более того, – Дарвин опроверг мальтусовскую теорию перенаселения в человеческом обществе, потому что доказал существование перенаселения в мире животных и растений.

Что делают сторонники Лысенко для того, чтобы защитить его престиж даже там, где сделаны грубейшие ошибки против марксизма?

Тов. Авакян и другие в своей уже упоминавшейся статье в "Литературной газете" прибегли к фальсификации мыслей К. Маркса. Они цитируют одно яркое место из "Теории прибавочной стоимости" Маркса, но предусмотрительно опускают предшествовавшие этому месту две фразы. Вот эта цитата в ее полном виде:

"*Дарвин* в своем превосходном сочинении не видел, что он опровергает теорию Мальтуса, открывая в царстве животных и растений "геометрическую" прогрессию. Теория Мальтуса основывается как раз на том, что он уоллесовскую геометрическую прогрессию человека противопоставляет химерической "арифметической" прогрессии животных и растений. В произведении Дарвина, например, в обсуждении причин вымирания видов, заключается и детальное – не говоря об его основном принципе – естественно-историческое опровержение мальтусовской теории" (К. Маркс. "Теории прибавочной стоимости", т. II, часть I, стр. 209).

Таким образом, у Маркса мы видим прямое подтверждение и высоко положительную оценку открытой Дарвином геометрической прогрессии в царстве животных и растений. Более того, только вдумываясь в эту цитату в ее полном виде, можно понять поистине диалектическое

построение тезиса Маркса. Дарвин опроверг мальтусову теорию перенаселения в человеческом обществе именно тем, что доказал существование перенаселения в мире животных и растений.

Что же делают Авакян и другие? Они взяли из трех фраз Маркса только последнюю, понимая, что первые фразы побивают их статью, которую они опубликовали в "Литературной газете".

Голос с места. Но эти две фразы приведены в статье Т. Д. Лысенко.

Б. М. Завадовский. Я полагаю, что противоречия, которые возникают в этой области, исключительно серьезны и ответственны. Речь идет о том, что, подходя со всей частностью и ответственностью большевика-ученого к тому, чему учил нас марксизм-ленинизм и в чем нас хотят обвинить, следовало бы полностью подчиниться тому правильному, что есть в работах Т. Д. Лысенко, и отметить то неправильное, что имеется в этих работах, и в чем я вижу противоречие тому, чему меня учила партия в основах марксизма-ленинизма. И я хочу, чтобы меня не шельмовали за то, что я честно выступил со своими сомнениями, а чтобы разъяснили, как увязать "Анти-Дюринга" Энгельса с новыми воззрениями так называемого "творческого дарвинизма". Этого я из доклада Т. Д. Лысенко не увидел.

Мы обязаны все методы, силы и средства советских ученых и практиков поставить на службу народному хозяйству для укрепления экономики нашей страны. Но вместо того, чтобы прежде всего подумать о формах объединения наших сил, выступавшие здесь слишком много приложили усилий к тому, чтобы опорочить, ошельмовать всех инакомыслящих. Думаю, политика и линия раскола, разброда – это линия неправильная.

Академик П. П. Лобанов. Время, предоставленное тов. Завадовскому на выступление, исчерпано. Большинство участников сессии склоняется к тому, чтобы продлить это время. Объявляется перерыв на 7 минут.

После перерыва вновь предоставляется слово Б. М. Завадовскому.

Б. М. Завадовский. В первую очередь я позволю себе остановиться на том, как я понимаю те противоречия, которые возникают в работе по развитию мичуринского направления.

Я с первых дней, когда познакомился с работами Т. Д. Лысенко, приветствовал и до сих пор положительно оцениваю ряд его положений: теорию стадийного развития, летние посадки картофеля на юге.

Самая большая заслуга Т. Д. Лысенко в том, что он привлек внимание к работам Мичурина, которые игнорировались формальными генетиками. Все это я подчеркиваю сейчас как большую заслугу Т. Д. Лысенко.

Но если мы хотим развивать мичуринское учение, то должны помнить нашу обязанность изучать классиков в подлиннике. И вот мне хочется сказать, что с этой точки зрения Т. Д. Лысенко в своих работах допускает огромную односторонность, развивая одну лишь сторону творческого наследия, оставленного Мичуриным, а иногда и даже в какой-то мере, по непонятным причинам, опорочивает работы других последователей Мичурина, как, например, работы Н. В. Цицина, который эти другие стороны мичуринского учения творчески и эффективно развивает.

Остановлюсь на вопросе о том, из чего складывается учение Мичурина, и пусть кто-нибудь меня попробует переубедить, что я плохо понимаю это учение.

Первое и основное положение мичуринского учения – это метод половой географической, межвидовой и межсортовой гибридизации, как способ создания широкого разнообразия гибридного материала, который является в дальнейшем предметом воспитания и отбора в мичуринском понимании. В этом учении Мичурина половой гибридизации отводится первое место, как первой основе материала, над которым работает Мичурин методом воспитания и селекции. Здесь Мичурин является продолжателем, лучшим продолжателем истинного дарвиновского учения.

Как ставит этот вопрос Т. Д. Лысенко? В своей работе "Наследственность и ее изменчивость" и в докладе, который мы здесь слышали, он фактически переворачивает последовательность и степень значимости мичуринских принципов. Он говорит: "Расшатывание наследственности можно получить: 1) путем прививки, путем сращивания тканей растений разных пород; 2) посредством воздействия в определенные моменты прохождения тех или иных процессов развития условиями внешней среды; 3) путем скрещивания, в особенности форм, резко различающихся по месту своего обитания или происхождения" (Т. Д. Лысенко. "Работы в дни Великой Отечественной войны", 1943 г., стр. 62).

Все эти три пункта формально правильны. Все три пункта мичуринского учения здесь включены, но последовательность их изменена. На первое место ставится метод вегетативной гибридизации, т. е. прививки, в то время как мичуринское учение говорит, что основа для

создания разнообразных форм – это половая гибридизация. Метод прививки у Мичурина продолжает рассматриваться как метод бесполого размножения, в основном, служащий поддержкой ценных форм, отобранных Мичуриным. Но в противоположность действительно формалистическим представлениям своих предшественников, Мичурин внес гениальное предположение, что вегетативная гибридизация не есть только метод закрепления, но и метод дальнейшего развития наиболее ценных наследственных качеств. Поэтому метод прививок является не первичным, а вторичным, но также ценным методом.

Но, товарищи, ведь надо правдиво информировать нашу советскую общественность о том, что мичуринское учение уже приобретает иные формы и половая гибридизация ставится на третье место в системе воззрений Т. Д. Лысенко. Я еще не нашел достаточно сильных убедительных обоснований и признаний того, почему Трофим Денисович в этом отношении отходит от мичуринского учения и зачем отходит. Но почему же здесь не говорить об этом простым языком? Я за новаторство, и, если меня убедят, что новая форма мичуринского учения оправдывает себя, я это признаю. Но надо говорить об этом прямо, а не замаскировывать, как это делает В. Н. Столетов, когда он говорит, что по существу мичуринское учение возникло тогда, когда к нему прикоснулся Т. Д. Лысенко. Тогда я считаю, что это неправильно, потому что это дезориентирует советскую общественность, которая, высоко ценя учение Дарвина-Тимирязева, верит, что это мичуринское учение является прямым продолжением их учения.

Спрашивается, почему подвергаются оспариванию блестящие работы Н. В. Цицина, не менее блестящие, чем положения, имеющиеся в трудах Т. Д. Лысенко, в которых он применяет другую сторону мичуринского учения – метод половой гибридизации. Советская общественность должна получить правдивый ответ, потому что в ее представлении и Цицин и Лысенко являются продолжателями мичуринского направления, тогда как Лысенко и его ученики стараются опорочить тот метод Мичурина, который плодотворно развивает Цицин. Я полагаю, что это требует объяснения, и я бы хотел, чтобы здесь было дано деловое объяснение.

Но есть, товарищи, и другие моменты, которые меня тревожат, потому что в других случаях Т. Д. Лысенко вступает в прямое противоречие с мичуринским учением не только в теоретических вопросах, но и в вопросах практики.

Т. Д. Лысенко прибегает к таким расплывчатым терминам, как "хорошие" и "плохие" агротехнические условия. Под "хорошим" содержанием автор подразумевает обильное удобрение, но не так легко примирить это утверждение Лысенко с учением Мичурина. У Мичурина выходит, что тучная почва в известных случаях не приносит пользы растениям, что слишком обильное кормление молодых животных идет им во вред. Вопрос о том, что является "хорошим", а что является "плохим" условием, решается не так просто, как это можно понять из выражений Т. Д. Лысенко.

Вот вам один из многих примеров того, что у Т. Д. Лысенко не сводятся концы с концами. Т. Д. Лысенко высказывает блестящие новаторские идеи, но у него имеются отдельные моменты, которые не оправдываются, нет той продуманности в системе, на которой он пытается строить советскую биологическую науку.

Этим противоречиям Т. Д. Лысенко обязан был уделить больше внимания, с тем чтобы всякий, кто хочет учиться, понял бы, что к чему. И если нужно исправить Мичурина, то об этом надо сказать прямо. Но когда создается такого рода влияние, подчиняющее массы гипнозу имени и авторитета человека с высоким положением, то это не является залогом создания советской науки. Так учит нас наша партия. А слышали ли мы хоть одно слово несогласия, которое могло бы исправить положение и прекратить огульное и не совсем здоровое опорочивание?

Кому и почему надо было отнести меня к вейсманистам и формальным генетикам? Только потому, что я неоднократно выступал и буду выступать с указанием на ошибки в работах тов. Лысенко, только потому, что я указывал неоднократно, что тов. Лысенко, будучи новатором в одной области, в других областях стал большим тормозом многих нужных и полезных направлений. Я это неоднократно высказывал и на заседаниях Академии и в присутствии тов. Лысенко, и этого не скрываю. Но разве поэтому надо меня порочить и приклеивать мне ярлыки?

Почему я попал в разряд мальтузианцев? Вот моя брошюра времен войны "Расовый бред германского фашизма", где большая часть работы посвящена мальтузианству и социал-дарвинизму. Знали об этой работе те, которые окрестили меня мальтузианцем? Знали хотя бы потому, что, находясь в эвакуации, из Омска я посылал тов. Митину в редакцию журнала "Под знаменем марксизма" две статьи на эту же тему с разоблачением мальтузианства и социал-дарвинизма. Я тогда получил ответ, что он не нашел возможным печатать мою работу, потому что

печатаются другие работы. Я просматривал эти работы и утверждаю, что выдвигал ряд моментов, которые другими статьями не были освещены. Оказывается, тов. Митин, в то время редактор журнала и редактор научного и философского отделов, не знает, чему верить: тому ли, что я мальтузианец, или тому, что он читал о моих работах и знал по ряду выступлений, в том числе и в Лондоне на съезде по истории науки и техники, где я выступал с разоблачением мальтузианства.

Меня нужно было ошельмовать, потому что меня надо превратить в законопослушного поклонника таланта. Вряд ли это, товарищи, нужно и полезно.

Теперь разрешите ответить на записки.

Вопрос. Признаете ли вы наследование приобретенных признаков? Дайте конкретный ответ.

Б. М. Завадовский. В схеме, которую я передал в президиум, по этому вопросу я отвечаю так: для Ламарка существовало только схема наследования приобретенных признаков. Дарвин в этом месте был недостаточно четок; он уступил, признавая наследование приобретенных признаков, и сделал, с моей точки зрения, этим большую ошибку.

Как Тимирязев говорит по этому вопросу?

И. И. Презент. Вы не говорите о Тимирязеве, скажите вашу точку зрения.

Б. М. Завадовский. Я ученик Тимирязева и должен это сказать. Тимирязев говорит, что вопрос о наследовании определенных признаков имеет дифференцированный ответ. В частности, Тимирязев признавал наследование определенных признаков у растительных организмов и считал невероятным наследование их у животных организмов.

Эту формулу Тимирязева я, в меру моего понимания, принимаю так. Считаю, что в известных конкретных условиях наследование возможно. Вопрос определяется не какими-то схемами, которые везде признают или не признают. Там, где речь идет о простейших организмах, где организм находится в известном смысле защищенным от воздействия внешней среды, нет оснований отрицать наследование определенных признаков у простейших растительных организмов в определенных условиях. В своей книге "Дарвинизм и марксизм" (1926 г.) я приводил конкретно общую схему наследования определенных признаков при условии воздействия внешней среды через гормональные органы. Но считаю, что это не так просто и не так массово и не так механистично, как это защищает Т. Д. Лысенко. Я считаю, что у высших организмов, в частности, у позвоночных, изучению которых я посвятил свою жизнь, через эндокринные органы, через определенные химические агенты, антигенные гормоны можно осуществить и направленное изменение.

Давайте договоримся, что надо не шельмовать, а конкретно указать, почему и как это должно осуществляться, но борьба на два фронта необходима, и пусть скажут, где фронт механистический, где меньшевистствующий идеализм и где фронт правильный. А пока я вправе думать, что по мере сил и способностей защищаю партийное указание в борьбе за генеральную линию партии в разрешении проблем теории дарвинизма.

Академик П. П. Лобанов. Объявляется перерыв до вечера.